

Муса МУРАТАЛИЕВ

ШВОТҚАТЪ

18+

Муса Мураталиев

Швоткаты

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Мураталиев М.

Швоткать / М. Мураталиев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В новую книгу известного русского прозаика Мусы Мураталиева включены новый роман «Швоткать» и повести, опубликованные в журнале «Za-Za»: «Глотнуть слюну» и «Хозяин стояка». У писателя своё мироощущение, своя философия, свои запоминающиеся и яркие персонажи. При описании шизофренической атмосферы мегаполиса он использует новый метод – «построчная проза». Каждое произведение автора захватывает читателя с первых же строк и не отпускает, пока он не дочитает до последней страницы.

Содержание

Предисловие	5
Швоткать	6
Нож для мясорубки	6
Вышибалы	12
Женщина в красном плаще	14
Встреча с депутатом	15
В кольце двойных объятий	19
Звонок в дверь	23
Ода к радости	28
Молчание Люси	30
Среди своих	32
Мы за Натусю	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Предисловие

Этого русского писателя зовут Муса Мураталиев. Ему 77 лет. Он родился в селе Ача-Кайынды (Ат-Башинский район, Нарынская область, Киргизская ССР). Учился на факультете журналистики Киргизского государственного университета, закончил Литературный институт им. А. М. Горького, работал корреспондентом газеты «Советская Киргизия», редактором литературно-драматического вещания, собкором АПН, консультантом по киргизской литературе в Союзе писателей СССР, сотрудничал с радио «Свобода».

С 1974 года и по сей день живёт в Москве. Он является автором доброй дюжины книг, переведённых на разные языки.

Советская власть попервоначалу горячо приветствовала его, сочтя Мураталиева преданным ей и вдобавок просвещённым «национальным кадром». Но, как говорится, недолго музыка играла. После выхода романа «Майская кукушка» партийные товарищи высокого уровня дружно обвинили его в отступлении от «классовых позиций, принципов историзма» и в том, что он «объективно подогревает националистические предрассудки», «заострённо и натуралистически описывает отдельные конфликтные эпизоды» (Первый секретарь ЦК КП Киргизии Масалиев и председатель КГБ той же республики Рябоконт).

Настоящему писателю, а не изготовителю пластмассовой или одноразовой литературы, всегда трудно. Цензуру по имени Главлит сменила цензура денег. И Муса Мураталиев занял своё достойное место в современной словесности лишь с 2011 года, когда один за одним увидели свет его книги «Идол и Мария», «Тоска по огню», «Нашествие мигрантов», «Гастарбайтер» и особняком стоящее, едкое «кафкианское» сочинение «Поэт и писарь», фантазия на тему «экзистенции» писательских начальников, которые строили коммунизм под руководством оргсекретаря СП СССР тов. Верченко и, увлечённые этим делом, не заметили, как Советский Союз накрылся медным тазом.

Муса Мураталиев – тонкий стилист и экспериментатор. Он пишет на том замечательном русском языке, в котором еле уловимо ощущается мощное дыхание канувшей империи, сыном которой он является при всех её минусах и плюсах. Вот и этот новый текст, который вы непременно прочитаете, потому что от него невозможно оторваться, одно его название чего стоит, послушайте – «Швоткать»! И это не глагол, не существительное, а так – неведомая словесная зверушка типа «Дыл, бул, щил» А. Крученых или «Скрытымным» А. Вознесенского. И вся история страны неведомо каким образом отражена в этой его книге, написанной по-молодёжному отрывисто, энергично и изобретательно.

Как это делает, например, годящийся ему в сыновья Дмитрий Данилов, который, в свою очередь, является учеником живущего во Владимире великолепного автора коротких рассказов Анатолия Гаврилова. Данилов – москвич, Гаврилов родился в Жданове, который стал теперь украинским Мариуполем, Мураталиев – в Кыргызстане. Нового его персонажа, богатого богача Бугая, зовут (по паспорту) Совет, церемонную хамку-соседку – Лайма Яновна.

И всё это – наша держава, всё это – русская литература, нравится это кому или совсем наоборот.

*Евгений Попов,
Президент Русского ПЕН-центра,*

*Секретарь Союза писателей Москвы.
07.07.2019 г.*

Швоткать Роман

Нож для мясорубки

Я до станции «Рязанский проспект» приезжаю на метро.
Мне нужен Институтский тупик.
Бодренько шагаю, беря курс на запад.
Незнакомая местность действует на меня удручающе.
Я прохожу три автобусные остановки.
Слева – проспект, справа – высокие ограждения.
Думаю, что надо спросить дорогу.
– Уважаемый, – говорю я проходящим людям. – Не подскажете, где Институтский тупик?
Но все молча обходят меня.
Такое впечатление, что никто не хочет разговаривать.
Одна женщина всё же остановилась.
– Такого здесь нет, – говорит она. – Но я точно знаю, что тупик где-то поблизости.
Раньше тут стоял инструментальный завод.
Там делали запчасти для космических кораблей...
Бывший режимный объект.
Женщина молчит, а потом добавляет:
– А где находится Институтский тупик, тоже не знаю.
Я настроен найти Институтский тупик во что бы то ни стало.
Включаю смартфон, но интернет не ловится.
А без навигатора я как слепой котёнок.
Передвигаюсь почти тактильным способом.
Вдруг вижу здание Института управления.
Навстречу мне идёт Бугай.
Здоровый детина, по бокам ещё двое крупных парней.
Я невольно вскрикиваю от радости:
– Здравствуйте!
Останавливаюсь за метр от них.
Бугай, идущий чуть впереди своих товарищей, не реагирует.
Тогда я говорю:
– Я с Одиннадцатой улицы Текстильщиков!
– Откуда-откуда? – переспрашивает тут Бугай.
– С улицы Текстильщиков, а ищу Институтский тупик, – говорю я.
Бугай смотрит мне в лицо.
– Швоткать! – произносит шёпотом.
Слышу густой аромат пены после бритья, такой же, как у меня.
Бугай обращается ко мне неожиданно вкрадчивым голосом:
– Ты что-то попутал, босота!
– Я ещё дома изучил, по инету, – говорю я. – От метро 20 минут...
– Что ты там забыл? – говорит Бугай.
– Я на завод ВИМ, мне нужен нож для мясорубки.
– Ладно, – говорит Бугай. – Садись, босота, подвезу.

Он кивает на припаркованную рядом «девятку».
Внутри у меня всё холодеет, но отказаться язык не поворачивается.
Бугай, открыв переднюю дверцу, сам садится за руль.
Машина проседает под его весом.
Я всё ещё не решаюсь.
Товарищ Бугая, открыв дверь, насильно сажает меня вперёд.
Он же застёгивает на мне ремень безопасности.
Бугай всё это время с кем-то разговаривает по смартфону.
Я выдавливаю из себя:
– Ох-ох-хо! И чем я заслужил такую честь?
– Тебе просто с нами по пути, дружище!
Вмешивается в разговор второй с заднего сиденья.
Едем по узкой улице.
Длинные пролёты между кварталами огорожены глухими заборами.
Приятная заморская музыка сопровождает нас.
Машина вдруг резко тормозит, и Бугай произносит:
– Иди к этим воротам, а там спросишь.
Первый товарищ Бугая открывает мне дверь и занимает моё место.
– Благодарю вас... – говорю я.
– Давай-давай! – говорит Бугай.
Машина только отъезжает, рядом со мной вырастает пожилой охранник.
– Куда идём? – говорит он, провожая меня на КПП.
Садится в кресло в своей будке и ждёт моего ответа.
– Я за заказом... – говорю я, ища в барсетке памятку от Сони.
– Ракету СС или «Томагавк»? – доброжелательно острит дежурный.
– Жене нужен нож для мясорубки, – говорю я.
– Какой отдел? Или номер корпуса, – подсказывает мне охранник.
Я нахожу памятную бумажку Сони и зачитываю:
– Организация «Зи ПТЭН»...
– Тут много организаций, но такой я не знаю, – говорит охранник.
Я пропускаю стоящих за мной людей.
Они выкрикивают номера цехов и получают пропуска.
Я набираю номер «Зи ПТЭНа».
Через некоторое время слышу голос девушки.
Объясняю ей ситуацию.
– Назовите номер заказа, – говорит она, – тогда пропустит.
– Заказ номер 4257! – говорю я охраннику.
А сам не прерываю разговор с девушкой на случай осечки.
– Паспорт! – говорит охранник.
Опускаю трубку и передаю свой паспорт дежурному.
Тот переписывает паспортные данные.
Шлёпнув круглой печатью, протягивает мне пропуск и паспорт.
– Серый корпус! – говорит он.
Беру пропуск, и тут старый охранник неожиданно как рявкнет:
– Вбили болта вместо винта!
Секунду нахожусь в замешательстве.
Затем вспоминаю о цели и окрылённо шагаю вперёд.
Теперь мне нужен 432-й кабинет!
Этот номер назвала по телефону девушка.

С напряжением оглядываю громадную территорию завода.
Она порядком захламлена.
Впереди высятся корпуса разных размеров, стилей и эпох.
Единственная площадь, обросшая разнотравьем, прижата к оранжевому корпусу.
Ветви одичавших деревьев заслоняют его со всех сторон.
Несмотря на свой плачевный вид, оранжевый корпус выделяется благородством.
Античный стиль фронтона с подпирающими колоннами подчёркивает его статус главного из всех корпусов.
Я иду по давно неубранной территории.
Тропинки между корпусами виднеются еле угадываемыми линиями.
Одна из них приводит меня к незатейливому трёхэтажному зданию.
На втором этаже, по моему расчёту, должен быть 432-й кабинет.
Двери кабинета приоткрыты.
В офисе сидит одинокая девушка.
Поздоровавшись со мной, она сходу отвечает:
– Вам нужен серый корпус.
– Ножи для мясорубки не вы производите? – говорю я.
– Лично я – нет! – говорит девушка с улыбкой.
– А кто производит? – говорю я.
– Мы сдаём заводские помещения в аренду, – говорит девушка.
Я вижу, что стены этого корпуса – фиолетовые.
Осматриваюсь.
Вижу серое здание.
Оно стоит ко мне торцом.
Направляюсь напрямиком к нему.
Но натываюсь на крутой мост.
Он сварен из арматуры прямо поверх огромного газопровода.
Держась за холодную арматуру пальцами, я ставлю ногу на ступеньку.
Проверяю её на прочность и с опаской поднимаюсь по мосту.
Я на верхней точке трубы.
Приземляюсь уже с другой стороны трубы.
Через десять шагов оказываюсь у входа в серое здание.
У проходной вижу двух охранников.
Один сидит в будке, другой подходит к каждому вошедшему в корпус человеку и досматривает его.
Он пропускает меня через рамку.
– Куда идём? – говорит строгим голосом.
На этот раз второй охранник выходит из будки.
– Иду за заказом, – говорю я, протягивая им пропуск с главного входа.
Оба читают мою фамилию, и первый уходит обратно в будку.
Потом оттуда по микрофону объявляет:
– Пусть пройдёт!
Тогда второй предупреждает меня:
– Обязательно отметить пропуск в отделе, куда сейчас идёшь.
На обратном пути его нам покажешь.
Поднимаюсь на второй этаж.
Войдя в коридор-распашонку, вижу по бокам номера кабинетов.
Все двухсотые.
Сразу иду на четвёртый этаж.

Но сходу натыкаюсь на лист А4 на стене.
На нем номер 432, стрелка, куда надо двигаться.
На листе надпись от руки: «Сюда».
Я радуюсь, что приближаюсь к цели.
Двигаюсь быстрыми шагами.
Вижу такую же бумагу за поворотом.
Следующая стрелка летит по лестнице вниз.
Ещё одна уже на первом этаже.
Нахожу заветный номер в подвале, в самом конце здания.
Крохотный кабинет.
Работает одна девушка.
Живая очередь из одних мужчин.
Те же лица, что и на проходной.
Девушка получает деньги, выписывает чеки, отпускает товар.
Очередь быстро тает.
Вдруг плотно сложенный мужчина впереди меня затевает спор.
Он говорит, что заказывал марки ТЭНа на менее мощную машину.
Девушка настаивает на ТЭНе, лежащем у неё на столе.
Мужчина спорит, что приготовили ТЭН не для его стиральной машины.
Дескать, теперь придётся менять провода.
Мужчина звонит жене.
И пока отказывается оплачивать.
Я не просто стою, а тереблю в кармане свой пропуск.
В голове повторяю номер заказа.
Всё это время глаз не спускаю со рта девушки.
Тут скандалист отходит.
Я правым бедром упираюсь в столешницу.
– Мой заказ номер 4257, нож для мясорубки, – говорю я чётко и быстро.
– Moulinex 1026, правильно? – проверяет она.
– Именно! – говорю я на этот раз громче.
– Паспорт, – говорит девушка и добавляет. – Приготовьте 206 рублей.
У меня нет сдачи, предупреждаю!
– Наконец-то! – говорю я.
Внимательно пересчитываю рубли, чтобы подогнать оплату без сдачи.
Деньги вместе с паспортом протягиваю ей.
Проверив сумму, девушка убирает деньги в ячейку кассы.
Набирает на компьютере мои данные и номер заказа, щелкает мышью.
Потом нажимает на Enter.
Принтер, загудев, выбрасывает из чрева четыре экземпляра накладной.
Там указана стоимость товара прописью и цифрами.
Характеристики ножа, а также кто исполнял заказ.
Девушка, расписавшись на всех экземплярах, двигает их ко мне.
Палец её руки указывает, где нужно расписаться.
Я оставляю свою подпись во всех экземплярах.
Девушка шлёпает на каждом экземпляре круглую печать.
На ней оттиск ИП Ziipen.
Девушка протягивает мне бумагу вместе с моим паспортом:
– Товар получите на складе, – говорит и добавляет, – первый экземпляр остаётся на складе, второй для вас.

Я, не попрощавшись, выскакиваю из кабинета.
Меня окружают длинные коридоры со множеством кабинетов.
Ни на одном из них не указано, что это склад.
Иду, бегу и вдруг оказываюсь около дежурного.

– Мне нужен склад... – говорю я.
– Какой заказ? – спрашивает дежурный.
– Нож для мясорубки... – говорю я.
– Не знаю! – говорит он.

В голову приходит мысль вернуться к девушке и узнать у неё.
Но вышел я, не попрощавшись, и пойти снова как-то неловко.
В мою сторону направляется пожилой охранник с главного входа.

– Заказ готов, но я не знаю, где склад... – говорю, идя ему навстречу.
– Что называется, вбили болта вместо винта! – повторяет он свою крылатую фразу. –

Пойдём!

Серьёзное отношение охранника к моему делу бодрит меня.

Всё нутро у меня, кажется, горячее от радости.

Я беспечно слеую за ним, как за родным человеком.

– Вы на сегодня отстрелялись, – говорю я. – Теперь домой, отдохнуть?

– Нет, я до следующей будки, – отвечает он. – У нас вахтовая работа.

Через несколько шагов старый охранник продолжает свою мысль:

– Раз уж засылаешь человека в космос, так сосредоточься!

А он в паз вместо винта болт загоняет!

А когда давление чуть посильнее, шляпка болта отторгается из гнезда.

Так они ещё молотком доводят её до погнутости!

Результат плачевный...

– Понял, понял! – кричу я от восторга. – Теперь понял!

– Иди, получай свой нож для мясорубки, – говорит пожилой охранник.

– Благодарю вас... – говорю ему.

– За углом вход, не оплошай! – добавляет он. – Тут, брат, люди с космической техникой имеют дело.

Чуть промахнёшься, и ты прогорел!

Я за углом нахожу не дверь, а дверной проём.

Он занавешен толстыми резиновыми лентами.

Каждая лента с полметра шириной.

Верхний конец закреплён на потолке, нижний соприкасается с полом.

Раздвигаю массивные резиновые ленты и вхожу.

Склад ангарного типа, высотой с двухэтажный дом.

Вокруг четырёхъярусные стеллажи.

На полках коробки всех размеров и форм.

Тут и там стоят разнообразные грузоподъёмники.

Жду, пока кто-нибудь подойдёт.

Проходит около минуты:

– Тюк-тюк... – подаю голос и стучу ключом по столу.

Слышу, кто-то направляется из глубины склада в мою сторону.

Подходит молодой человек в синей спецовке.

Мы не здороваемся.

Я отдаю оплаченную квитанцию.

Работник, держа квитанцию в руке, уходит направо.

Через минуту возвращается с моим заказом.

Ножик оказался меньше моей ладони.
Четырёхкрылый предмет из стали.
Он гладкий на ощупь, красивый, как детская игрушка.
Никогда не держал его в руке.
Завернув нож в накладную, убираю во внутренний карман.
Теперь надо выбраться с завода.
Выхожу со склада и беру курс туда, откуда мы с пожилым охранником пришли.
Вижу вдалеке рельсовые чугунные ворота.
По бокам почти на квартал тянутся четырёх- и шестиэтажные корпуса.
Подхожу к проходной.
В будке сидит знакомый старый охранник, пьёт чай.
Завидев меня, он говорит:
– Тут ты не выйдешь.
Здесь только большегрузные машины проезжают.
Тут людей выпускать нельзя.
Я теряюсь, не зная, как быть.
Охранник, видя моё смущение, с сочувствием мямлит:
– Я бы тебя выпустил, но у порядка не только логика, но и голова своя!
Если тебя пропустить, потом даже родная мать мне не помощник!
Ты уж меня извини.
Я все ещё стою.
Тогда старый охранник выходит из будки, подходит ко мне.
А сам глазами ищет кого-то.
К нам идёт мужчина.
Вид растерянный, хочет что-то спросить.
Я его узнаю, мы стояли в очереди с ним, у кассы.
Он спорил с девушкой по поводу ТЭНа для стиральной машины.
При виде меня, обрадовавшись, он поднимает обе руки вверх.
Обоим смешно, и мы громко смеёмся, как дети.
Тут из-за угла выходят трое дворников.
Они катят железную тележку.
– Эй, вы! А ну, идите сюда! – обращается к ним охранник. – Покажите им путь к выходу.
Дворники водят нас порядком по территории, как на поводке.
Наконец, увидев горбатый мост из арматуры, я радостно вскрикиваю:
– Пришли! – говорю своему собрату по несчастью.
– Смелее, в ногу, товарищ!
А он, выбросив окурок в сторону, тоже восклицает:
–левой!левой!

Вышибалы

Ирина из 109-й видит, как в подъезд входит незнакомый Бугай с двумя товарищами. С ними участковый. Наружную дверь Бугай отпирает по коду. Внутреннюю, плохо закрывающуюся, дверь они выбивают ударами плеч и снимают с петель. Прислоняют к отопительной батарее. Сами поднимаются на лестничную площадку и остаются ждать лифта. Дорогу Ирине преграждает Бугай словами: – Ты станешь понятой. Ирину настораживает поведение незнакомца, но при участковом соглашается. – Мы идём в 135-ю! – говорит Бугай. – Проводи! – С Иваном что-то случилось? – спрашивает она. На её вопрос никто не отвечает. Ирина, глянув на полицейского, замолкает. Дойдя до двери Ивана, она нажимает на кнопку звонка. Потом повторно нажимает, опять никто не откликается. Тогда сторонится, уступая дорогу остальным. Товарищ Бугая вынимает из кармана ключ и открывает дверь. Но не это приводит в замешательство Ирину, а угрозы Бугая Наташе. Наташа спускается с 9-го этажа, что всегда для неё малопривно. Она видит на 7-м этаже человека, заслонившего собой кабину. Это телохранитель Бугая, которого она видит впервые. Наташа безуспешно уговаривает парня дать ей поехать на лифте. Вдруг видит каких-то людей, выходящих из 135-й. Наташа обращается к Бугаю: – Я тут битый час не могу уехать на лифте, – жалуется она. – Почему остановили наш лифт? – Не может этого быть! – лукавит Бугай. – Кто тебе сказал, что мы не пускаем в лифт людей? – Так, конечно, никто не сказал... – робко произносит Наташа. – Только ваш человек меня не впускает. – Ты большая выдумщица! – говорит Бугай, повысив голос. – Неправда! – говорит Наташа с раскрасневшимися щеками. – Мне незачем выдумывать! – Девочка, скажи мне, где ты живёшь? – говорит Бугай. – Я живу у себя дома! – говорит Наташа и смотрит на участкового. Но Бугай не даёт ей что-то сказать: – Ну, бум считать, что ты живёшь в своём доме, – говорит Бугай. – А давно? Тогда Наташа возмущённо замечает: – Я тут родилась и выросла. Окончила школу и техникум. Теперь работаю в райсобесе. – А твои родители, – говорит Бугай. – Откуда родители? – Моя мать всю жизнь работала в «Октябре», – говорит она. – Мать, когда даже беременной была, тут жила! Родила меня тоже тут, в своей квартире. Перед смертью квартиру переписала на моё имя, вот!

– Девочка, ну переписала мать на твоё имя, ну, чо будешь делать? – говорит Бугай. – Ну, бум считать, что тебе повезло, девочка.

– А что значит, будем считать? – говорит Наташа с обидой. – За кого вы меня принимаете?

Наташу каждый раз угнетает, когда кто-нибудь из взрослых называет её девочкой.

Она от рождения блондинка, носик прямой, глаза большие и синие.

Только ростом невысокая, всего 1 метр 47 см.

«Дальше не захотела расти, так и задержалась», – говорила ей покойная мать.

Поэтому её мог обидеть любой, если кому-то этого захочется.

Наташа – девчущка активная, в любом положении даст отпор.

Она опять смотрит сначала на полицейского, потом на Ирину.

– Так откуда твои родители приехали? – повторяет тут Бугай.

Наташа, всерьёз обидевшись:

– Сам понаехавший! – говорит ему.

Бугай, задетый словом «понаехавший», набирает в лёгкие полную грудь воздуха и повзрослому гневается:

– Цыпочка ты, жёлто-перьевая, – говорит Бугай. – Чо ты тут стоишь у меня под рукой, глупая!

Иль собираешься умереть не своей смертью?

На Ирину нагоняют страх слова: «умереть не своей смертью».

Бугай с товарищами спускается на первый этаж.

Проходя мимо двери, которую сами вышибли, убирают её за отопительную батарею и выходят на улицу.

Николай из 110-й квартиры тоже видит, как в наш подъезд входил Бугай и его товарищи.

Как вышибали внутреннюю, плохо закрывающуюся дверь.

Николай понимает, что против вандалов не сможет ничего сделать.

Женщина в красном плаще

– Послушай, вот почему я тебя набираю – говорит мне ещё Николай. – На улице какая-то женщина описывала твою внешность.

Она ждёт и хочет встретиться с тобой.

Я думаю:

«Что за чудо в перьях прилетело к нам?» – и выхожу на улицу.

За дверью стоит дама в красном плаще.

На голове тоже красная шляпа.

Как только я показываюсь из подъезда, она спрашивает:

– Ты здесь убираешь ведь?!

Акцент у неё прибалтийский, и сразу на «ты».

Мне не нравится её обращение, но задаю ей встречный вопрос:

– Вы так думаете?

– Я своими глазами вижу, – говорит она. – Тут почему столько мусора!

Мне с ней вести разговор дальше становится неинтересно.

Я хочу уйти в подъезд.

Женщина, угадав моё намерение, хватается за дверную ручку.

– Нет, дворник, – говорит она, – спрятаться ты не сможешь!

Я вижу, случай непростой.

– А вы кто такая?! – задаю я ещё вопрос.

– А фи хыто? – поддразнивает она меня. – Не стыдно тебе!

Позволять людям жить в обнимку с грязью!

– Не сразу вердикт! – говорю я. – Не сразу...

Я как-то видел её убирающей наш стадион.

Думаю: «Нашла коса на камень!»

– Сначала представьтесь, – говорю я. – Как вас зовут?

Тут она нормально отвечает:

– Лайма Яновна!

– Лайма Яновна... – говорю я. – А вы уверены, что обязанность уборки дома 8 возложена на меня?

– Ты дворник, ты убирать обязан! – кричит она на меня. – Ты должен знать свои обязанности!

Там, где ты, всегда должно быть чисто-чисто.

Иначе ты не проживёшь и дня тут!

– Разве я не плачу за эти услуги из своего кармана? – говорю я.

Тут Лайма Яновна закатывает глаза.

Похоже, подумала, что я обманываю её.

– Ах ты, паразит! – кричит она. – Ты возомнил себя большим человеком?

Помахивать метлой не желаешь!

Хочу высвободить дверь из её руки.

Но женщина сильнее тянет её к себе.

– Послушайте, что вы себе позволяете?! – говорю я уже с обидой.

Тут она посылает в мою сторону свой плевок!

Я, вырвав из рук женщины дверную ручку, закрываюсь.

Плевок всё же оказался проворнее меня!

Долетев до меня, плевок шлёпается прямо в лицо, накрыв почти его половину!

– Ты плохой дворник! – доносится её голос за дверью.

Встреча с депутатом

Как-то я и Соня идём отовариваться в «Магнит».
Он находится в шаговой доступности от нашего дома.
Пристройка изначально сооружена для аптеки.
Уже около года её арендует магазин.
Залы узкие: когда едет одна тележка, второй не проехать.
Я качу тележку, Соня впереди меня, подбирает товары.
Вдруг кто-то хлопает меня по плечу.
Оглянувшись, вижу здорового парня.
За нашей тележкой он застрял из-за своих габаритов.
– Мне очень жаль, но я не смогу вам помочь, – говорю я.
– А чо катаешь тележку, – говорит он. – Глянь, как много вокруг людей!
Оставь её, будет место.
Думаю, где же его я видел.
– Брата-ан! – говорит тихо. – По дороге с Рязанского проспекта. Ну?..
Тут я вспоминаю случай с поиском Институтского тупика.
А он снова:
– Один раз я тебя подвёз на своей машине, – говорит Бугай. – Тогда тебе было трудно.
А теперь ты не соизволишь дать мне пройти. Это как понять?
– Мне очень жаль... – говорю я повторно.
– Сделай тогда одолжение, братан! – говорит он. – Пусть та женщина, что впереди тебя, откроет холодильник, достанет оттуда баночку чёрной икры, сёмгу и акулий плавник.
У меня встреча с жителями, десять минут на покупки!
Я начинаю думать, почему я ему «братан»?
– Ты живёшь в 8-м доме? – говорит он. – Приходи!
Начнётся через десять минут.
Соня удивлена моему знакомству с большим имяреком.
Мы молча отовариваемся, и, когда идём из магазина, Соня спрашивает:
– Кто он такой?
– Да, знакомый, когда ездил за ножом для мясорубки, познакомились.
Соня молчит.
Сердится, что я о нем не рассказал ей в тот же день.
Проходим мимо церквушки, что в подвале соседнего дома.
Видим, напротив нашего дома, посреди детской игровой площадки, действительно собираются жильцы.
Смотрю, среди них не видно Бугая, пригласившего меня на встречу.
Соня локтем подталкивает меня:
– Иди, послушай, что за встреча, – говорит, а сама поворачивается к нашему подъезду. – У меня завтра тяжёлый день, некогда.
Детская площадка перед нашим домом была полупустой.
Уже сердитый из-за предстоящей болтологии, я занимаю место недалеко от детских качелей.
Встречу открывает депутат нашего муниципалитета.
А шапочного знакомого после поездки на Рязанку нет.
Весь гнев мой направлен на его приглашение и на его отсутствие тоже.
В то же время думаю: откуда он знает, что будет встреча?
На детской площадке собралась горсточка жителей.

Кто не торопится, те заняли лавочки.
А кто хочет быстро убежать, выстроились вдоль спортивных снарядов.
Депутат оказался высоким мужчиной средних лет.
В чёрном поло и темных брюках.
У него чёрные усы, лысина, уходящая за темя.
Представляется депутатом муниципального собрания.
Но фамилию свою не называет.
Хотя участники встречи могли бы и сами спросить.
Но никого не интересуется его фамилия.
Все сжимаются, не хотят что-либо узнавать.
Депутат исполняет свою роль блистательно.
На каждый вопрос отвечает долгими объяснениями, ссылками на ряд причин и в конце даёт обещания.

Иногда уклоняется от прямого ответа разного рода отговорками, смысл которых заключается в том, что любой вопрос разрешим, только мало времени.

При каждом удобном случае напоминает, что скоро выборы, и призывает не забыть проголосовать.

Он не стесняется жителей дома 8.

Отступив шаг в сторону, достаёт из кармана бумажный платочек.

Высмаркивается в несколько приёмов и вытирает нос.

Потом, скомкав платочек, кидает в железную урну.

Но не попадает в неё.

Пришедшие на встречу следят, что он сделает.

Никто не смеет поднять скомканную салфетку с детской площадки.

Девушки и некоторые женщины, потупив взгляд, не поднимают глаз.

Один житель второго подъезда, с расплывшимся во все стороны туловищем, первым задаёт вопрос депутату.

Получив очередную отговорку, переходит на перепалку с депутатом и после, никому не позволяя брать слово, по сути дела, ведёт свой монолог.

На нем, кроме майки, шортов и шлёпанцев, ничего нет.

Август на дворе, но вышедшие на встречу жильцы одеты опрятно, некоторые мужчины при галстуке.

Многие собрались из-за того, что с депутатом никогда не видятся.

Прийти на приём можно только по записи, а тут он сам явился!

Я, отвлекшись на свои мысли, поглядываю на Говоруна и на депутата.

Неожиданно для себя нахожу в них сходство.

К моему удивлению, сходство делало их похожими на киргиза, на армянина, на татарина, на еврея – словом, устраивающее всех лицо!

– Капремонт вашего дома, – говорит тут депутат, – в стадии заморозки.

Сумеет найти инвестора, работа будет идти дальше!

А если нет, работа затянется, если не заморозится!

Собравшиеся жильцы вдруг встрепенулись и тут же опять притихли.

Никто не осмеливается выступить.

Даже Говорун из второго подъезда молчит.

Все смотрят на губы депутата, но и тот ничего не говорит.

Нагнувшись ниже пояса, ладонью отряхивает прилепившуюся грязь с манжет брюк и выпрямляется.

Депутат виден всем, он ростом выше всех.

Жители дома 8, сидящие на лавочках или стоящие у детских спортивных снарядов, – никто из них не равен ему.

Если встанет рядом с ним каждый в отдельности, то, может, кто-нибудь и будет выше его. Но и тогда он будет просто жителем какой-то квартиры дома номер 8.

Однако у депутата, оказывается, есть сюрприз для жителей.

Он говорит с кем-то по телефону:

– Ну, куда вы пропали?

– Никто не пропадает! – отвечает чей-то голос по телефону. – Хотел, чтобы ты свою встречу провёл спокойно.

Собравшиеся на детской площадке жители слышат разговор, но не понимают смысла.

Я слышу тут хлопки закрывающихся дверей машины.

Оглянувшись, вижу трёх знакомых бугаев, шагнувших с ленты дороги на детскую площадку.

Впереди шагает Бугай, встретившийся нам в «Магните».

Его сопровождают два огромных парня.

Я встрепнулся, будто на змею наступил.

Никто на меня не обращает внимания.

А вот если бы заметили реакцию Люси на вновь пришедших, то сильно бы удивились.

Рая, Тамара, другие женщины, опустив голову ещё ниже, упираются взглядом в землю, не желая видеть их.

Депутат, подойдя ближе к лавке, где сидит основная масса жителей, чуть повысив голос, говорит:

– Минуточку внимания!

Позвольте представить вам нашего инвестора.

Надеемся, что он останется с нами.

Прошу любить и жаловать.

А дальше пусть расскажет сам.

И тут депутат пятится к лавке, а там места для него не нашлось.

Тогда, потеснив Говоруна, он опускается рядом с ним с краю.

Вытащив из кармана сигареты, закуривает.

На детской площадке наступает тишина.

Всем становится нервозно, многие жалеют, что зря пришли на встречу.

И тут подошедший Бугай встаёт перед жителями.

На детской площадке вдруг становится слышна одышка Говоруна.

– Меня зовут Совет, – произносит первое слово Бугай.

– Я не слышу, – кричит Говорун со своей лавочки. – Мне не понять, что вы там бормочете?

– У меня такое имя по паспорту, – повторяет он.

– При чём тут это? – опровергает Говорун. – Вы ведь не учреждение какое-нибудь?

– Мои родители, таким образом, запатентовали код своего любимого народа, – продолжает Бугай на полном серьёзе. – Таких родителей в ареале бывшего СССР было множество.

– Не знаю, не знаю, – спорит Говорун. – Я не встречал их!

– Нашего соседа, которого вчера неопытный хирург зарезал, – вмешивается в разговор Тамара Михайловна, – звали ВИЛЬ!

– Пожалуйста! – даёт пояснение тут Совет. – Владимир Ильич Ленин! Может, вы его не знали?

– Знал! – отвечает Говорун. – Три года в бассейн «Москвич» ходили вместе, как не знать? А вы спрашиваете ведь, знаю ли я его имя?

– Как же так? – говорит Николай из 110-й. – Три года плавали вместе, и не знал его по имени?

– В 20.00 приходишь. Плаваешь. В 21.00 уходишь.

Другой раз всё так же. Торс его знал, а дальше...

– Да врётё вы! – горячится Николай.

– Да, вру! – соглашается вдруг Говорун. – Помню, раз свело мою левую ногу.

Пришлось прервать плавание.

Сижу в раздевалке.

В икре ноги образовался с кулак упругий узел и не отпускает.

Он вдруг подходит ко мне и говорит:

– А ну, вытяни ногу.

Я стараюсь, а не удаётся.

Тогда он достаёт английскую булавку, и как кольнёт в узелок!

Сразу узелок развязался, и боль улетучилась.

– И тут вы спросили, как его зовут?! – говорит бугай Совет.

– Да нет же! – сердится Говорун. – Мы без имени хорошо понимали друг друга.

Имя спрашиваешь у незнакомого человека.

– Считайте, что вы были незнакомы! – заключает Николай.

– Таких имён в СССР, как я уже говорил, было множество, – продолжает своё выступление Совет. – Вот, пожалуйста:

ВладЛен, говоря иначе, Владимир Ленин,

МаркЛен, то есть Маркс и Ленин,

МЭЛИС – Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин.

Все аббревиатуры составлены из фамилий и имён вождей пролетариата.

– Что же было скромничать, дали бы ваши родители ФИО в полной красе! – говорит Говорун: – Совет Социалистыч Союзов.

– Давайте ограничим перемальывание косточек моего имени, – говорит Бугай. – Я не гордый, любое имя с вашей стороны приму без обид. Пожалуйста!

Зовите меня Советский Союз!

Час назад тут, в вашем магазине «Магнит», кто-то окликнул меня: «Эй, совок!»

Если вам и это не нравится, окликайте меня междометием!

– Ваше имя меня так очаровало, что рискну спросить, – перебивает инвестора Говорун. – Вы меня извините, кто вы по национальности?

– Я затрудняюсь ответить на ваш вопрос, – говорит Совет. – Вот вы определите, какой я национальности.

Говорун слегка смущается.

– Загибайте пальцы рук, – говорит Совет. – В моих жилах течёт и русская, и киргизская, и еврейская, и татарская, и прочая кровь.

Меня мама родила в юные годы, а зачат был я Советским Союзом!

– Мама родная! – вскрикивает женщина со второго ряда.

– Весь Советский Союз во мне! – заключает Бугай. – Могу карту родословного дерева показать.

Кто интересуется моим происхождением, пожалуйста!

Всех смущает непомерное разоблачение Советом своих корней.

На детской площадке наступает гробовая тишина.

Даже Говорун на этот раз воздерживается от привычки приставать с вопросами по любому поводу.

В кольце двойных объятий

– Разговор теперь по существу, – говорит большой Совет. – На меня возложены расходы по капремонту вот этого дома!

Тут он прерывает своё выступление, оглядывая наш дом слева направо.

Потом с крыши до фундамента.

Жильцы, разом повернувшись, смотрят на свой дом, но дружно молчат.

– Я думаю, вы сегодня обсудили все детали предстоящей работы, – говорит Совет.

Жители сосредоточенно ждут продолжения только его выступления.

– Теперь разговор не по существу, – говорит тогда Совет. – Начался срочный выкуп квартир вашего дома.

Тут ряды собравшихся жителей будто током ударило.

Кто с восторгом, кто со страхом – все, подняв голову, впиваются взглядом в рот инвестору.

– В связи с этим я ответственно заявляю, – продолжает Совет, – кто имеет желание продать свою квартиру, я готов выплатить ему сумму по рыночной цене.

Неожиданно с места выскакивает Люся и сходу кричит высоким голосом на всю детскую площадку:

– Ах ты, басмач! – и тычет пальцем в Бугая. – Не верьте ему!

Он оконченный подлец!

Рая из 108-й квартиры, испугавшись, уговаривает соседку:

– Не чуди, Люся, ты что?

Теперь этих басмачей нигде нет.

Люся, вся бледная от злости, вновь ополчается на инвестора:

– Он – басмач! – кричит она. – Не нужны нам его деньги!

Он – вор и негодяй с большой дороги!

– Брось такие вещи говорить! – заступает теперь Тамара Михайловна. – Мне, Люся, за тебя стыдно.

С какой стати ты радеешь за нас?

Ты уж выступай от своего имени.

– Сейчас откуда басмачам взяться, – сомневается Говорун. – Я бы рад был глянуть на них, но все истреблены...

– Действительно... – вторит Николай из 110-й квартиры.

– Как это, «откуда басмачам взяться»? – говорит тут большой Совет. – Вот он я, перед вами стою!

Я – басмач, живу среди вас!

Пока вы жили, как в той песне: «Мой адрес не дом и не улица...», никто на меня не обращал внимания.

На деле мои предки были баями – богачами!

А их красные стали называть дурным словом «басмачи».

Вот всего-то навсего!

– Пардон, я не знал, что вы басмач! – говорит депутат, бросая в адрес инвестора шутку, и, встав с места, продолжает:

– А мне какое дело?

Кто за белых, кто за красных?

И те, и другие далеки от меня.

Депутат опять садится на своё место.

Люся, вскочив с места, ещё громче орёт истошным голосом, оглушая окрестности.

– Всё это – ложь! – выговаривает она между плачем. – Ложь!

Начинает плакать в голос и, указывая на Совета рукой, тараторит дальше.

Она объясняет, что знает его, потому что училась с ним на одном курсе в Институте управления.

На третьем курсе басмач был отчислен.

Собравшиеся жильцы хотят узнать, за что его отчислили.

Люся скрытничает, избегая прямого ответа.

Соседствующая с Люсей по лавочке Рая говорит тихо:

– Кто старое помянет, тому глаз вон!

Люся плачет, выказывая тем желание ни на йоту не отступить от своего обвинительного настроения.

Было заметно, что она хочет всерьёз ворошить старое.

Тогда депутат встаёт, чтобы успокоить Люсю.

Обняв плачущую женщину, прижимает её к себе.

Тут Бугай подходит к ним и обнимает Люсю со стороны спины.

Люся в кольце двойных объятий рыдает ещё больше.

Участники встречи, смутившись поведением Люси, умолкают.

Некоторые, нервно встав с мест, самовольно покидают встречу.

– Никогда не думала, что моя жизнь вот так плачевно закончится! – по-волчьи воет на весь двор Люся. – Разве теперь у меня будет нормальная жизнь?

Депутат крепче сжимает Люсю в объятиях, что-то шепча ей на ухо.

– Зачем, зачем вы, представляющие нас, власть, привели его сюда? – говорит Люся ему. – Чтобы растравить мою душу?!

Когда рыдающая Люся вздрагивает, вырываясь из объятий, депутат отпускает её.

Старания его не дают положительных результатов.

Люся плачет по-прежнему горько, то в ладоши к себе, то в жилетку депутата, не обращая внимания на реакцию окружающих.

Депутат теперь не в себе.

Трясущейся рукой залезает в карман.

Достаёт мобильный телефон и набирает кого-то.

Плачет Люся и ни на что не реагирует.

Депутат опять подходит ближе к ней:

– Так нельзя! – говорит он. – Я вызову врача, вы согласны?

Люся, тут же вытерев слезы, потом и губы, говорит, стиснув зубы:

– Не-не!

«Скорую» вызывать не надо!

Увезут, потом дома родного не увидишь.

Лучше на своей кровати эвтаназию произвести.

– Что ты мелешь? – удивляется Совет.

– Пусть едет, пусть! – криком тут опять исходит Люся, обращаясь к депутату. – Хотя бы давление померяют.

А то дозвониться до них невозможно.

Только скажите, что нет въезда к нашему дому с Волжского бульвара.

Депутат вдумчиво и медленно начинает набирать номер.

Все следят за его движениями.

Пока телефон соединяется, депутат размышляет вслух:

– Недавно я выезжал к улице Артюхиной со стороны бульвара, как они быстро всё изменили?

А почему поменяли направление движения?

Зуммер гремит по всей площадке, он слышен всем.

Никто не поднимает трубку.

Все понимают, что вызвать «скорую помощь» даже депутат не может.

– Люся! – говорит вдруг Совет. – Слышишь?

Люся встрепелась, услышав своё имя.

Потом остолбенело застывает.

– Не возражаешь, – говорит Совет, – если мои ребята померяют тебе давление?

К ней тут же направляются оба парня, которые все время его сопровождают.

В руке у одного старенький кейс.

Люся, отпрянув назад, мотает головой:

– Ни-и-нна-до! – кричит, стиснув зубы. – Я боюсь случайного врача.

Один из них сегодня ночью зарезал здорового человека с четвёртого этажа!

Добрейшего человека, Виля!

– Ну, не мои же ребята, – говорит Совет. – Не убьют тебя!

Вот я стою рядом с тобой, Люся!

Двое парней подходят к ней, первый из них, открыв кейс, достаёт японский тонометр.

Плотно прижимает мембрану поверх рукава летнего платья Люси и начинает мерить давление.

Люся, как замороженная, всё это время смотрит на огромную тень Совета, которая лежит головой к её ногам.

Не огласив показатели, парень, привычно быстро собрав тонометр, возвращает его в кейс.

Щёлкнув крышкой, отходит назад.

Тут депутат коротко объясняет нам значение реновации.

На детской площадке становится опять тихо.

После он обращается к оставшимся участникам встречи:

– Будут ли ещё вопросы?

Говорун берет слово.

На этот раз он ругает тех, кто ставит на ночь свои машины вокруг нашего дома.

Завершает выступление предложением организовать здесь платную парковку.

Депутат указывает худенькой девушке, сопровождавшей его, что надо записать это в протокол.

Михаил из 111-й оповещает всех, что трём собакам он купил американские намордники, а не китайские, как были раньше.

Теперь его собаки соседей не будят, на что они жаловались раньше.

– На этом позвольте завершить нашу встречу, – говорит депутат. – Мы покидаем вас.

Нас ждёт работа.

Не забывайте, через три недели выборы!

Сентябрь!

От вашей активности зависит счастливая жизнь наша и ваша!

– Минуточку! Куда вы? – кричит тут Люся с таким раздражением, что слюни вылетают изо рта. – А ремонт?!

Когда же эта кабала прекратится?

К новому витку Люсиной истерики никто не готов.

Жители группами покидают встречу.

На детской площадке остаётся всего горсточка жителей.

И они, стыдясь ссоры перед посторонними людьми, отворачиваются от Люси, смотря кто куда.

Депутат, широко раскрыв руки, подходит к Люсе, молча прижимает её к груди.

Люся хотя и даёт себя обнять депутату, обидевшись, исподлобья смотрит на него, но ничего не говорит.

Депутат прощается с нами за руку и оставляет нас на детской площадке.

Он направляется в сторону Волгоградского проспекта.

С ним рядом семенит его помощница.

Они ещё не прошли мимо церквушки, что в подвале дома 4, а Совет со своими бугаями направляется к четвёртому подъезду, что в пяти шагах от детской площадки.

На жителей, кто оставался до конца с депутатом и инвестором, встреча производит неизгладимое впечатление.

Они так поражены, что некоторые не решаются рассказать всё домашним.

Скептики говорят о встрече как очередной болтологии.

Самое ошутимое мнение имеет депутат, который понимает, что инвестор Совет перечеркнул его авторитет.

Впредь именно инвестор становится для жителей Одиннадцатой Текстильщиков спасательным кругом в бескрайнем океане.

Люсе видится плохой знак, что не смогла получить со стороны депутата быструю поддержку.

Она боится, как бы ей не пришлось ходить к Совету с поклоном.

Тут Люся видит направившихся к четвёртому подъезду молодчиков Совета.

Она не может совладать собой:

– Стойте! Не пущу! – кричит Люся во весь голос. – Немедленно остановитесь!

Её голос слышат через открытые форточки женщины дома 8 и стоящего напротив дома 7.

Взглянув вниз, они видят на детской площадке тень мечущейся женщины.

Но их не волнует это и, не придав значения крикам о помощи какой-то женщины, продолжают свои дела.

Бежит Люся, с горячим желанием быстро догнать Совета, но одышка сдерживает её.

Депутат ещё на пути к своему офису набирает местную ДПС и даёт ей задание.

Люся двигается к подъезду медленно, оберегая своё больное сердце.

Вдруг видит на углу своего дома двух автоинспекторов.

Они устанавливают новый знак дорожного движения.

По рисункам знака она понимает, что теперь машины могут ехать перед домом 8 со стороны Волжского бульвара к улице Артюхиной.

Я, открыв дверь подъезда с улицы, придерживаю её, чтобы Люся могла войти.

– Власть на меня ноль внимания! – брызжит уставшая Люся. – Я для неё не существую!

Звонок в дверь

Смотрю на часы, семи нет.
Внуки ещё спят, да и мы с Соней на стадии просыпания.
– Кому это приспичило... – ворчу я.
Встаю, накинув на себя халат, мысленно ищу отгадку, кто бы мог это быть сейчас за дверью?
– Не открывай, – говорит Соня. – Мы спим!
Не спать – это их проблема!
Совість совсем потеряли!
– Мы-то не потеряли... – говорю я и подхожу к двери.
Стоят двое мужчин впереди, а за ними вижу половину лица Совета.
– Ни хрена себе! – шёпотом говорю я. – Что им надо?!
В спальне и большой комнате не слышен разговор у входной двери.
– Скажите, где живёт Люся? – спрашивает Совет из-за спины своего парня, стоящего у самого глазка.
– Не-н-н-аю... – говорю я, чуть исказив свой голос.
Всем миром они, отвернувшись от глазка, дружно удаляются.
Я, войдя в квартиру, закрываю замок на два оборота.
Соне ничего не говорю, хотя она смотрит на меня выжидающе.
Тогда я, махнув рукой, даю знать, мол, ошиблись квартирой.
Соня, окончательно проснувшись, встаёт и, позёвывая, в одном халате направляется в ванную комнату.
Мне становится тревожно за Люсю.
Достаю телефонную книжку, нахожу номер её городского телефона и набираю.
Думаю, что она будет недовольна столь ранним звонком, но предупредить её всё же важно.
Тут дверь ванной открывается.
Вижу голову Сони, смотрящую прямо на меня.
Городской телефон установлен в прихожей, ей тут легко слышно и видно.
Мне вдруг за свой поступок становится неловко и, не дождавшись ответа, бросаю трубку на рычаг.
– Я тебе помешал? Прошу прощения...
– Не мне, а тебе кто мешает сейчас? – спрашивает Соня.
– Надо Люсю предупредить... – начинаю я.
Соня вдруг запускает в меня мокрой мочалкой!
Мочалка, шлёпнувшись о левое плечо, там так и остаётся.
Брызги тёплой воды, облив мою шею, заставляют меня инстинктивно сжаться.
Соня с грохотом закрывается в ванной.
Внук выходит из своей комнаты, недовольный тем, что мы громко разговариваем у его двери.
Из своей комнаты выглядывает и внучка:
– Сегодня дед и бабушка рано начали шуметь! – говорит она.
Опять звонок в дверь.
– Что за дела?! – говорит раздражённо из ванной Соня. – Откройте, кто поближе к двери!
Я думаю о Соне, как бы не завести её.
Тогда успокоить жену будет нелегко.
Интенсивными шагами подхожу к глазку, а там опять Совет со своими людьми.

Вдруг впереди стоящий бугай, отворачиваясь, говорит:
– Ой! Ошибся!
Я на этот звонок уже нажимал.
Он удаляется, и за ним все остальные.
Соня ждёт моего ответа из ванной.
– Опять тот же тип! – говорю я.
– Не врешь? – спрашивает Соня с ухмылкой в голосе. – Ты хоть к двери подходил или, стоя тут, придумал?
– Подошёл-подошёл! – говорю я. – Не успел спросить.
Они, похоже, ошибочно повторно нажали на звонок.
Сами ушли. Придумывать тут нечего...
Мой ответ окончательно выводит Соню из себя.
– Не дали человеку спокойно принять душ, – говорит Соня и с сердитым видом уходит в спальню.
Я пожимаю плечами, а потом добавляю:
– Хозяин Совет проводит обход своей вотчины... – говорю я.
Но меня эти слова вдруг самого обжигают.
Я столбенею оттого, что Соня появилась опять на пороге.
Она с вытаращенными глазами смотрит на меня:
– Опять обобщаешь?! – говорит строго.
– Я в глазке дважды видел Совета! – говорю я. – Он ходит, чтобы таким образом уломать непокорных жильцов!
Они мешают его продвижению к своей цели.
В это время в наше окно стучает камушек.
На этот раз подходим к подоконнику оба.
– Квартира Люси от вас направо или налево? – доходит до нас знакомый мне голос.
Соня, одним движением руки зашторив окно, схватив меня за руку, пятится назад.
Останавливаемся в центре комнаты.
Отсюда нас не видно с улицы.
Соня не участвовала во встрече с депутатом.
Поэтому к моим рассказам до сих пор относятся скептически.
– Где живёт Люся? – повторяется вопрос с улицы.
– Квартира за лифтом! – говорю я громко, чтобы им было слышно.
Через щелину штор видим, как Совет и его люди направляются налево.
– Люся! Открой дверь! – слышится тот же голос теперь оттуда. – Мы играть в прятки не собираемся!
Взрослые люди так себя не ведут!
Открой, слышишь?!
– Что происходит? – говорит Соня в недоумении. – Кто эти люди?
– Новые господа... – говорю я.
– Что это значит, «господа»?! – не врубается Соня. – Ты в своём уме?
– Хозяин нашего... дома... – говорю я.
Соня, вдруг поверив моим словам, умолкает.
Но продолжает делать вид, что не понимает происходящего.
Переходим в спальню, и тут Соня задаёт свой первый вопрос, потом второй, потом следующий...
Я ответ держу по своей догадке, появившейся после встречи с депутатом.
На этом мы завершаем спор, хотя, как всегда, и на этот раз точку ставит Соня:
– Почему мне об этом не говорил?

На пороге нашей комнаты показываются внучка и внук и молча смотрят на нас, не крепко ли мы собираемся ругаться.

Любой наш разговор на повышенных тонах внуки воспринимают как начало скандала.

Я и Соня, увидев их на пороге, умирняем свой пыл, горячность своих речей, тогда они уходят.

Я, открыв страницу Манаса, по просьбе сына продолжаю работу по его развёрнутому пересказу.

Но мои глаза смысла написанного не воспринимают.

Тогда, закрыв великую книгу и компьютер, беру в руки «Калевалу».

Но и её тоже откладываю в сторону.

Вдруг доносится из спальни голос Сони:

– Ой, не могу! – говорит она, при этом хохочет. – Выдумывай да меру знай!

У нас под боком дети!

Отец!

Что ты мелешь?!

Соня иногда считает меня сочинителем от нечего делать.

Об этом не говорит открыто, но в уме держит.

На деле я получаю в месяц около двадцати тысяч, Соня зарабатывает больше.

Поэтому она всегда побеждает в споре со мной.

На этот раз, рассердившись на постоянное неверие в мои слова, обзываю её Фомой Неверующим.

Она, в свою очередь, меня – жалким сочинителем!

Соня вдруг понимает свою ошибку и неожиданно замолкает.

Я знаю, что теперь она будет долго молчать, пока не всплывёт у неё на поверхность хорошее настроение.

Так мы наказываем друг друга.

Я сижу за столом в большой комнате.

Круглые часы тикают в тишине, громче обычного раздаётся каждый их удар, обрывая мои мысли.

С улицы опять слышу разговор удалого Совета со своими парнями:

– Послу-у-шай! – говорит Совет им. – Вот что я заметил!

Этот чудик – хитрец!

Или больной!

Как это он не знает Люсю, живя по соседству?

Если она действительно соседка.

Чо он, дебил?

Да знает он!

Знает, в какой квартире Люся днюет и ночует.

Он прикрывает её!

Сам прикалывается, делая из себя дурачка, чтобы обмануть нас!

Тут у меня в голове пробегает новая мысль, и я выкладываю её открыто Соне:

– Этот новый богатеи вживается в свою роль... – говорю я. – В нашей жизни он отсутствовал более 70 лет!

И утратил все прежние свои премудрости управления нами...

А за это время мы тоже стали непослушными сорванцами!

Раскрепостились.

Да ещё как раскрепостились!

Причина?

Столько время нас власть советская оберегала!

Не давала буржуйам притеснять нас!
Теперь у господина Совета задача: нас, уже непокорных, приручить заново...
И тогда мы будем слушаться его, как прежде...
– Бред какой-то! – говорит Соня. – Ты это о ком?
Вдруг стук в нашу дверь.
Грубый и безо всяких приличий.
Моя семья, все, кто есть дома, собираются в большой комнате.
Внуки реально испугались, они такого вероломного стука никогда не слышали.
У Сони глаза полезли на лоб, жестом указывая мне – иди, узнавай.
Я иду встречаться с бузотёром.
Моя семья остаётся за дверью с тревогой в душе.
Я не успеваю открыть дверь:
– Ах ты, предатель! – орёт Совет на меня. – Душман!
– Ё-моё! – только успеваю выкрикнуть я.
И, заломив мою руку, Совет рывком вытаскивает меня из тамбура.
Я в мгновение ока оказываюсь рядом с ними.
Ощущаю только, что рука бугая оказывается сильнее, чем я предполагал.
– Найди квартиру Люси! – кричит мне он. – Её надо как следует затр...ть!
– Такую команду кинологи дают своим питомцам... – говорю я, чтобы как-то разрядить обстановку.
– Пошёл вон! – говорит Совет и больно подталкивает меня в спину. – Живо!
Я понимаю, что этот господин ставит меня на колени.
Я молча подвожу их к двери 113-й, что за лифтом.
– Мы уже тут были, – говорит телохранитель Совета.
Бугай молча нажимает на кнопку звонка и не отпускает её.
Через некоторое время дверь отворяется.
К нам выходит сама Люся.
Совет, умело отодвинув Люсю с дороги, входит в квартиру, за ним туда же его товарищи.
Тут Люся начинает биться в истерике.
Крики о помощи ей не помогают.
Очнувшись, наконец, она рванулась за ними.
Как только она оказывается в квартире, кто-то запирает её дверь изнутри.
Я стою на лестничной площадке в полной растерянности.
Сразу раздаются крики Люси:
– Полиция! Полиция! Помогите!
Я стучу в дверь, сопровождая свои удары сиплым от волнения голосом:
– Что вы вытворяете?! – кричу во весь голос. – Немедленно прекратите безобразие!..
Сейчас же наберу полицию!!!
Вдруг отворяется дверь, и оттуда выходит один Совет.
Его горячее дыхание ударяет мне прямо в ноздри:
– Чудик!!! – говорит он угрюмо. – Ты чо тут шумишь!
Ты чо?!
Хочешь Люси?
У меня зарок на ней жениться!
Понял, мудака!
Не отдам тебе её!
Отвали, не порть мне фарты!
Я, замороженный таким напором, смолкаю.
И тут он говорит:

– Хочешь, чтоб охрана спустила тебя с лестницы?

Я улавливаю сказанное и, вынужденно попятившись назад, двигаюсь спиной в сторону лестницы...

Ода к радости

Сегодня день отдыха.
Выборы мэра.
У меня с утра в голове крутится «Ода к радости» Бетховена.
Стою у старого инструмента и перебираю клавиши одним пальцем.
Так и хочется, чтобы эта мелодия прозвучала именно сейчас!
Я сходу фальшивлю.
Но упорно долблю: ми-ми, фа-фа, соль-соль, ля-си...
Я прислушиваюсь и тут же разочаровываюсь.
Иду на кухню.
Соня режет салат, тем не менее после моей просьбы молча вытирает руки о бумажное полотенце и следует за мной.
Встаёт боком к инструменту и, не глядя на клавиши, играет.
На все девять этажей 4-го подъезда разносится «Ода к радости» Бетховена.
Удовлетворив мою просьбу, она возвращается на кухню.
Я и Соня одеваемся подобающим образом и идём голосовать.
Выходим, как всегда, без пяти минут десять.
Идём по дороге, никого не встречаем.
Пятиэтажное здание, где на фасаде имитированы колонны до второго этажа.
Эта старая школа и есть наш избирательный участок.
Нам пройти до неё ровно пять минут.
Избирательный участок ждёт нас, чтобы мы поскорее отдали свои голоса.
У дуги металлоискателя нас встречает десяток работников безопасности.
У всех сосредоточенные строгие лица.
Все смотрят на меня оценивающим взглядом.
Через рамку проходит Соня.
Тут же сбоку засвечиваются несколько голубых лампочек.
Их я вижу.
Процедура напоминает мне сцену фантастического кино.
Когда я прохожу, то не знаю, было или нет подобное же явление.
На той стороне подрамника мы становимся слегка взволнованными.
Полицейский указывает нам, куда идти дальше.
Мы поднимаемся по лестнице на второй этаж, и тут Соня говорит:
– Хороший полицейский!
Входим в зал.
Вдоль стены, за составленными паровозом столами сидят четыре женщины.
Перед каждой из них раскрыты листы формата А3.
На стене, выше голов женщин, закреплены таблички с указанием улиц и номеров домов.
Я и Соня подходим к женщине, сидящей под табличкой с нашей улицей и домом № 8.
– Мы на букву... – говорит Соня, при этом указывает пальцем на нашу фамилию.
Женщина концом шариковой ручки втыкает в строку с нашими фамилиями и, чтобы не потерять, там так и держит ручку.
– Паспорта давайте! – говорит она.
Она сличает с паспортом имя и фамилию Сони в списке и, удостоверившись, проверяет также место прописки.
Убедившись, что и тут всё в порядке, возвращает Соне документ.
Ставит напротив фамилии Сони галочку, а потом говорит:

– Присаживайтесь!
Её голос строг.
Мне слышится в нём приказ.
Соня садится на единственный стул рядом и расписывается.
Женщина протягивает Соне лист бюллетеня со списком кандидатов в мэры.
И значок с надписью: «Наша семья голосовала за мэра».
Я сажусь на стул без приглашения, паспорт протягиваю уже на раскрытой восьмой странице, где заполнена графа прописки.
Мне памятный значок не достаётся.
Я доволен, не услышав её напряжённый голос: «Паспорт давайте!»
На обратном пути мы опять не встречаем ни одного идущего к участку человека.
По территории школы прохаживаются двое полицейских и оттуда, как бы между прочим, посматривают на нас.
Я замечаю это и тихо шепчу Соне, но она молчит, а потом:
– Хватит! – говорит мне строго. – Нечего смотреть туда!
Всюду тихо.
Кажется, нас только двое.

Молчание Люси

Я выхожу на балкон.
Напротив подвальной церквушки дворник, опершись на черенок метлы, смотрит под наш балкон.
Вижу, там – Люся!
Она окучивает саженцы, которые посадила только что.
На полоске, пустовавшей всегда у стены дома.
Земля твёрдая.
Люся каждое вытыкание штыковкой сопровождает возгласами: «Иэх!», «Иэх!»
Этот уголок земли, размером с лестничную площадку, никогда не убирается.
Здесь кончается тротуарная лента дороги улицы у дома 8.
Здесь должна была быть детская площадка для нашего дома.
Жители близлежащих домов превратили её в автостоянку.
Я захожу обратно в комнату.
С балкона начинать разговор с Люсей считаю бестактным.
Выйдя из квартиры, дёрнув ручку наверх, закрываю дверь.
Выхожу на улицу, идя по тротуару, проверяю ключи.
Они в кармане.
Замечаю, что иду в домашних шлёпанцах.
Наш панельный дом детище типового проекта.
Он не имеет фасада как такового.
Фасадом считается отвесная стена в девять этажей высотой более тридцати и в длину двести с лишним метров!
Цельная стена от первого этажа до крыши разделена на множество оконных квадратиков.
Внизу отвесной стены – четыре некрепких козырька подъездов.
Козырёк – однослойная необработанная панель, без бортика.
Панель прижата к отвесной стене над входной дверью подъезда.
Спереди её подпирают две шпунтовые железобетонные сваи.
Как только поворачиваю за угол, вижу Люсю.
– Здра-асть... – здороваюсь громко, чтобы на минутку оторвать её от работы.
Она не обращает на меня внимание.
– Мне очень жаль, что вчера я не смог защитить вас... во время скандала...
Люся, подняв голову, пристально смотрит на меня, а потом говорит:
– А я вас об этом просила?
– Прошу извинить меня... – отвечаю я.
Вижу, не хочет она распыляться по мелочам.
Я стою и хочу сказать ей, что сейчас не сезон для посадок.
Соседка не прекращает работу.
Вдруг она дико уставится на меня голубыми круглыми глазами и спрашивает:
– Я вам мешаю?
– Не-не!.. – говорю я.
На этом разговор у нас заканчивается.
Она продолжает копать землю.
Я стою.
Не хочется так просто повернуться и уйти.
Тут Люся, повернув голову, спрашивает в третий раз:
– Что вы тут делаете?

– Да стою... – говорю я. – Хочу вам подсказать, что сейчас не сезон посадок.
– А я не знаю?! – говорит Люся, продолжая свою работу.
Я понимаю, просто Люся места себе не находит.
Вот и занимается ненужными делами.
Она действительно не знает, когда сезон посадок, но имеет желание что-то делать.
Тут медлить нельзя.
Надо сказать правду и вернуться домой.
Мои ступни чувствуют необычный холодок.
Простуду прихватить запросто!
– Соседка моя! – говорю я осторожно. – Не обидитесь, если скажу вам...
Она, вдруг перестав копать землю, смотрит на меня.
– Не обижайтесь, я не буду скрывать ваши ошибки... – тяну я свою мысль.
Она спокойно слушает.
Тогда добавляю:
– Вы наделали тут дел.
На вашем месте надо было первоначально проконсультироваться со мной.
– И теперь не поздно! – вдруг соглашается она.
– Если только по азам... – говорю я и продолжаю. – Мне приходилось с детства иметь дело с деревьями...
Она тут уставилась на меня не моргающими голубыми глазами.
А я начинаю свой рассказ:
– В нашем лесничестве рабочие скрещивали клён с кедром.
Липы выращивали из семян, а сосновый молодняк привозили из Сибири.
Каждой осенью наша деревня всем миром подготавливала молодняк к зиме.
Вязали из ивовых прутьев щиты для них...
Смотрю, Люся притихла.
– Вы уж не обижайтесь, – говорю я.
Для этой почвы нужна лунка глубокая.
В ней должны быть ещё дренаж, земля и удобрения...
– Я эту работу делаю впервые, – заявляет тут Люся.
– Ну-ну!.. – вдруг вырывается у меня. – Прошу прощения! Я помешал вам...
Я, проворно двигаясь, направляюсь в подъезд, оттуда к себе.
Вышел опять на балкон.
На ленточке у стены дома Люси уже не было.
А штыковка стояла в вертикальном положении.
– Что я наделал?! – сокрушаюсь я во весь голос.

Среди своих

Тут после встречи с депутатом я почувствовал себя, будто побывал среди своих.
Настроение сходу поднялось.
Нет, не скажу, что встреча меня вдохновила.
Я ждал нового поворота жизни.
Вспоминал былые времена:
раз – и поворот после выступления Хрущёва,
раз – поворот после выступлений Горбачёва,
раз – поворот после выступлений Ельцина!
После встречи с депутатом я надеялся на новый вектор жизни хотя бы на нашей улице.
Иду теперь и продумываю, как бы мне больше собрать подписей жителей дома!
Иду и планирую свои дальнейшие действия.
Письмо с подписями передать депутату нашего округа.
Депутат обязан нам оказать помощь.
Вопрос, кто запишется к нему на приём?
Я не пойду, потому не знаю, как это делается.
Но всё же решаю собирать подписи.
Я подхожу к соседнему подъезду.
Входные двери открыты.
Гастарбайтеры мельтешат, не закрывая вход из-за своей беготни.
Они выгружают лес, рейки, плитуса.
Я пристраиваюсь за ними, повторяя шаги впереди идущих рабочих.
Поднимаюсь до лестничной площадки первого этажа.
Повернувшись направо, остаюсь в дверном проёме.
Нажимаю звонок квартиры.
Из квартиры лаем отвечает собака.
По голосу чувствую, что пёс огромного размера, кажется, сенбернар.
Басовитым голосом он долго лает в ответ на мой звонок, а потом вдруг перестаёт.
Оглянувшись, вижу женщину и узнаю Лайму Яновну.
Идёт напрямиком ко мне, точно живёт тут.
– Что тут делаешь? – говорит Лайма Яновна. – Ведь ты живёшь в четвёртом подъезде?
– Я к вам по делу, извините... – говорю я. – Не уделите мне пару минут, ради общего дела.
– А по какому вопросу я должна уделять свои минуты тебе? – говорит Лайма Яновна.
У неё брови собираются на переносице, а глаза округляются.
– Вы ведь живёте в этой квартире? – говорю я.
– Откуда у тебя такие сведения? – спрашивает Лайма Яновна и добавляет: – Тут живёт моя собака.
Я живу выше этажом!
Тебя беспокоит моя собака, лает в неурочное время, не так ли?
– Извините, меня не интересует лай собак, – говорю я.
Тут Лайма Яновна, повернувшись к рабочим, которые несли на плече стройматериалы, говорит им:
– Отнесите в большую комнату, на полу есть место, выгружайте туда.
Когда гастарбайтеры удаляются по лестнице вверх, Лайма Яновна, повернувшись лицом ко мне, продолжает с того места, где прервался наш разговор:
– А что случилось с нашим домом, я не пойму?!
– Ах, вы не были на встрече жильцов с депутатом... – говорю я.

– Ну и что с этого? – спрашивает она.

– Могу порадовать вас, – говорю я. – Появился инвестор.

Он покрывает расходы капремонта нашего дома из своего кармана.

А дальше, я думаю, нам придётся платить ему из своего кармана...

Лайма Яновна многозначительно молчит.

– Я собираю подписи жильцов против богача, – говорю я. – Вы не присоединитесь к нашему обращению?

– Ты сначала меня спроси, – говорит она, – имею ли я претензии к Совету?

Тому, кто собирается вложить собственные деньги, чтобы привести в божий вид Одинадцатую Текстильщиков?

Я успеваю подумать:

«Откуда ей известно, что имя инвестора – Совет?»

– У меня к Совету-филантропу претензий нет! – продолжает она. – Пусть ряды богачей умножаются.

Меня же беспокоит завтрашний день моих детей.

Этого хочет любой здравомыслящий человек.

Не скрою, поэтому я тут числюсь дворником.

Работать тоже иногда приходится...

Главное – будущая выгода!

Деньги нужны моим детям и внукам!

Не такое уж плохое начало, за пять лет имею в этом подъезде пять квартир!

Когда бы я ещё достигла такого результата?

Если бы лежала на своём насиженном побережье, погружаясь в грёзы мечтаний?

При этом жаловалась на судьбу, что не шлёт мне немного денег?

Совет-филантроп верно делает.

Деньги делают деньги!

Хочешь быть богатым, слезай с кровати!

Побегай налево, побегай направо, что-нибудь да получится.

Если человек лодырь, к тому же палец о палец не желает ударять, а сам любит хлеб с маслом есть, да за счёт госбюджета, такому я пожелаю бы шиш с маслом!

– Если так рассуждать, многие будут выброшены на улицу... – говорю я.

– Пусть! – отвечает Лайма Яновна решительно. – Я не настолько богатая, чтобы делиться с ними.

Пусть они отдыхают! Они слишком уважают себя.

Таких людей только смерть спасёт.

Да-да, пусть они подышают!

Я чувствую, что во рту появились излишки слюны.

Плюю в кучу мусора, куда только что рабочий бросил дымящийся свой бычок, и попадаю точно на него!

Лайма Яновна встаёт передо мной, будто она мне мать родная:

– Подписи собирать может председатель кондоминиума! – говорит тут она. – Но дом наш не имеет кондоминиума.

А ты просто житель!

У простого жителя всего лишь один голос, твой, и всё!

У остальных ты не можешь собирать их голоса.

Так что смейся только людей, да-да!

Никто не поддержит твою инициативу.

Ещё, на тебе отпечаток дворника, а не знаменитости!

На мне этот отпечаток знаменитости больше, чем у тебя!

Я сойду за неё хотя бы внешне.

А ты нет, да-да!

Всем это известно, и тебе самому известно.

На деле мне надо зарабатывать деньги, а не быть просто богатой.

А тебе, чтобы просто жить, деньги не нужны, да-да!

Я стою и отвечаю ей долгим молчанием.

– Конечно, ты, как дворник, эти тонкости не должен знать, – жалеет меня Лайма Яновна. –

Не переживай.

Получил, что называется, подзатыльник, тем не менее говорю:

– Собирают же подписи агитаторы?

– Они собирают на основании закона, – ставит точку она. – Ты никакое не ответственное лицо.

С бухты-барухты заняться сбором подписей тебе нельзя!

Тебя может любой стукнуть, а агитатора охраняют.

Слова Лаймы Яновны меня смущают до мозга костей.

– Благодарю вас за подсказку... – выдавливаю я из себя. – Всё же... Наперекор судьбе...

– Обижаться ты можешь, – говорит Лайма Яновна. – Сам хоть знаешь, чего ты добиваешься?

Вдруг настроение нашло на тебя, и пошёл собирать подписи.

Вот что это называется!

– Эх, Лайма Яновна... – говорю я.

Но тут она опять меня перебивает:

– Я серьёзно тебе говорю!

Ведь ты борешься за свою жилплощадь?

– Нет! Нет! – перебиваю на этот раз я сходу. – Я забочусь обо всех жителях нашего дома!

Я произношу слова, хотя чувствую, как жар у меня пробегает по всему телу от смущения.

Лайма Яновна, подняв голову, смотрит мне в глаза:

– Я Совету скажу, чтобы он не трогал твою семью, – говорит она. – А ты приватизируй её.

В мозгу у меня мелькает: «И эта буржуа!»

– Вы напрасно это... – сопротивляюсь я. – Хочу помочь всем жильцам...

Опять щеки мои рдеют от смущения.

– Если хочешь продавать свою квартиру по выгодной цене, то не скрытничай!

Ещё не поздно.

– Лайма Яновна, не морочьте мне голову! – говорю я уже сердитым голосом. – Я вам, господам... не верю!

Один раз наши отцы вам поверили и остались в дураках!

– Ну вот и приехали! – говорит Лайма Яновна.

Я остаюсь на том месте, а Лайма Яновна молча спускается по лестнице.

Я размышляю о своём намерении.

В подъезде всего 36 квартир...

И вдруг Лайма Яновна обращается ко мне снизу:

– Хватит заниматься ерундой!

Кто живёт тихо, тот живёт долго.

А эту позу свою оставь революционерам!

Что говорит дальше Лайма Яновна, мне не слышно.

Я, чтобы расслышать её слова, убыстряю свой ход, следуя за ней.

Мы выходим из подъезда.

Вокруг всюду желтизна: газон, асфальт, даже бордюры усыпаны опавшими листьями.

Я вспоминаю указание городской власти: с этой осени опавшие листья не будут убираться.

Они должны зимовать на газонах.

А весенняя теплынь вместе с растаявшим снегом превратит их в перегной.

Так они должны будут потом удобрять почву.

Шагаем по тротуару.

Идя рядом с Лаймой Яновной, я вспоминаю, как увидел её впервые в нашем районе лет пять или шесть назад.

Она приехала откуда-то в красном плаще и красной шляпе с широкими полями.

Мне показалось тогда, она приехала из курортной зоны Крыма.

Вызывающие одежды делали тогда её маргинальной дамой в нашем районе.

Сколько раз я её видел – не считал.

Всегда она в красном плаще.

Идёт по стадиону, толкает тележку дворничихи, на руках – белые перчатки, на голове – красная шляпа.

Рядом какой-то откормленный старшеклассник, некоторое время он помогал ей.

Последние года три он не появляется, похоже, учится или работает.

Лайма Яновна, выходит, натура прямолинейная, грамотная и миловидная женщина.

На вид ей сорок с лишним лет, а может, я и ошибаюсь.

Тут мои мысли душат меня, заставляя изнутри подчиниться команде: «Молчи!»

И я отключаюсь.

– С тобой все в порядке? – говорит Лайма Яновна.

Я молчу.

Так идём метров пятнадцать, пока не доходим до козырька моего четвёртого подъезда.

Тогда я иду налево, а Лайма Яновна продолжает свой путь далее.

Не попрощавшись, расстаёмся.

Мы за Натусю

По городскому номеру непредвиденный звонок.

Внуки не реагируют, сын и дочь молчат.

Я и Соня не ждём вестей.

Звонок по городскому телефону – редкость.

– Ну? – говорит Соня. – Кто поднимет трубку?

– А я тут при чём?! – отвечают голоса внука и внучки из своих комнат.

Взрослые дети ничего не говорят, ждут, чтобы кто-то подошёл к телефону.

Зуммер третий раз оглашает все комнаты своим тревожным напоминанием, призывая ответить!

– Если бы нас не было дома, то другое дело... – говорю я и встаю.

Я выхожу в прихожую, где установлен аппарат с городским номером.

Иду медленным шагом, так как знаю, что звонок не для меня.

Мысли мои напоминают, что это очередной трюк рекламщиков.

– Слушаю! – говорю резко. – Как же вы мне надоели!

– Дядя... – говорит вдруг знакомый голос. – Я Наташа. Позовите Дину.

Я зову дочь и, оставив трубку на тумбочке, отхожу.

Дверь за собой в большую комнату закрываю, чтобы в других комнатах не слышали.

Соня тут подходит к двери большой комнаты, чтобы услышать, о чем идёт разговор дочери с Наташей.

Подслушивать разговор, хотя бы и родной дочери, неприлично, но у Сони был повод для беспокойства.

Моя семья не первый раз огораживает Наташу от неприятностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.